

ИМЯ В БАРЬЕРЕ

ВАЛЕНТИН КОЗЛОВ

GREIDIN

Greidin

Имя в барьере

«Автор»

2026

Greidin

Имя в барьере / Greidin — «Автор», 2026

Тайра поступает в Северную Академию Стихий под именем Руты Мереч, скрывая прошлое и необычные способности. Странности защитной стены и следы пропавшего выпуска приводят её к расследованию системы, которая распоряжается именами и жизнями студентов. Вместе с союзниками она добивается открытого учёта и права отказаться от жертвы.

© Greidin, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Чужое имя на воротах	5
Глава 2: Зачёт для незаметных	13
Глава 3: Стены слушают плохо	21
Глава 4: Каталог пустых мест	31
Глава 5: Лазарет без лишних вопросов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Greidin

Имя в барьере

Глава 1: Чужое имя на воротах

Меня звали Рута Мереч уже третий час, и за это время я успела дважды пожалеть, что выбрала имя с такой мягкой первой буквой.

На переправе писарь переспросил его три раза, каждый раз с видом человека, которому лично испортили утро. Возница обозвал меня «Ружей». Дородная женщина с клеткой для дорожных кур попыталась записать «Рута» как «Рутая» и очень обиделась, когда я сказала, что в нашем училище детей всё-таки учили отличать имя от состояния моркови.

Если бы я поступала в Академию под своим настоящим именем, меня хотя бы произносили правильно.

Зато под настоящим именем меня могли бы связать с Сайрой.

Северная Академия Стихий стояла впереди, на каменном осколке земли, который когда-то, видимо, пытался сбежать от королевства и передумал на самом краю. Дорога к воротам поднималась серпантинном. Слева шумела пропасть, справа торчали серые скалы, обвязанные защитными цепями. Цепи были толщиной с моё запястье и местами уходили прямо в камень, как корни старого дерева, которому не повезло родиться железным.

Внизу остались постоялый двор, мост через холодную речку и последняя нормальная лавка с пирожками. Пирожки я не купила, потому что Рута Мереч из приграничного училища должна была считать медяки.

Тайра Нэрисс купила бы два. Один с капустой, второй для того, чтобы пожалеть о первом не в одиночку.

Я поправила перчатки и подтянула ремешок дорожной сумки. Перчатки были хорошими, тёмная кожа, тонкая работа, без вышивки и без семейных знаков. Они закрывали запястья ровно настолько, чтобы лишний человек не увидел следы старых учебных ожогов и не заинтересовался тем, почему у переводной студентки из бедного училища кожа на ладонях гладкая, а пальцы держат ремень так, будто привыкли к архивным печатям, а не к лопате.

Впрочем, если кто-то начнёт выводить судьбу человека по перчаткам, Академия ему понравится. Здесь, судя по виду ворот, любили делать выводы даже по дыханию.

Ворота были не просто воротами. Две башни из тёмного камня, арка между ними и полоса живой кладки, которая мерцала под серой поверхностью, как вода под тонким льдом. Над аркой висела железная табличка:

****Северная Академия Стихий. Первый досмотр. Не прикасаться к кладке без приказа.****

Под табличкой кто-то мелом дописал:

****Особенно если кладка первая начала.****

Мел стёрли плохо. Академия явно умела стирать людей лучше, чем студенческие советы.

Очередь у ворот двигалась рывками. Новенькие стояли с сундуками, мешками, родительскими поцелуями на щеках и выражениями лиц, которые встречаются у людей перед экзаменом, свадьбой и казнью. Иногда всё это бывает одним мероприятием, если правильно выбрать учебное заведение.

Передо мной худой парень прижимал к груди клетку с бурой ящерицей. Ящерица смотрела на мир устало и с таким презрением, что ей, вероятно, уже предложили место на кафедре.

— Фамилия, имя, училище, рекомендация, — сухо сказал проверяющий у ворот, не поднимая головы.

Парень назвал. Ящерица попыталась укунить печать. Проверяющий даже не моргнул, только сунул ей под нос медную пластинку. Та зашипела, пластинка позеленела.

— Третий двор, санитарный осмотр. Следующий.

Парень побледнел.

— Это не заразно, она просто...

— Следующий, — повторил проверяющий.

Очередь сдвинулась. Я сделала шаг и почувствовала, как в кармане внутреннего жилета лежат документы Руты Мереч: рекомендация с мокрой печатью, справка о переводе, краткая история обучения, два письма от несуществующего наставника и одно настоящее свидетельство о рождении, купленное у человека, который уверял, что бумага «почти без греха».

Мне хотелось спросить, сколько стоит бумага совсем без греха, но человек выглядел так, будто от честного вопроса начнёт торговаться собственной бабушкой.

— Фамилия, имя, училище, рекомендация.

Проверяющий был старше меня лет на десять. Серые волосы на висках, тонкие губы, рука с чернильным пятном у большого пальца. Не маг, скорее канцелярский служащий при магии. Самый неприятный вид людей: они знают, где лежит нужная бумага, и не видят причин радовать этим окружающих.

— Мереч Рута. Малое училище Третьего Каменного рубежа. Рекомендация мастера Верша.

Я протянула папку.

Он взял её двумя пальцами, будто там быладохлаямышь, номышьс печатью. Пролистал. Я смотрела не на его лицо, а на руки. Люди врут лицом чаще, чем пальцами. Пальцы спешат, когда находят ошибку. Замирают, когда не знают, что с ней делать. Эти двигались ровно.

Печать мастера Верша выдержала первый взгляд.

Хорошая печать. Дорогая. Очень хотелось, чтобы она тоже считала себя хорошей и не развалилась от академического высокомерия.

Проверяющий положил документы на каменную пластину. Пластина вздохнула, впитала свет из воздуха и вернула его тонкой линией по краю папки.

— Рута Мереч, — произнёс он, наконец подняв на меня глаза. — Переводная.

— Вроде того.

— «Вроде» в документах не указано.

— Там и про дорогу не указано. А она была.

Его взгляд стал чуть более живым. Не добрым, просто живым, как у ножа, которым заинтересовались на кухне.

— Руку на арку.

Вот это мне не понравилось.

— В инструкции сказано не прикасаться к кладке без приказа.

— Это приказ.

— Удобно.

— Не для всех.

Он указал на гладкий участок у правого основания арки. Там камень был светлее, отполированный ладонями. Я видела, как предыдущие новички прикладывали руку, как кладка вспыхивала обычными цветами дара: у кого-то зелёным, у кого-то золотистым, у кого-то рыжим, как пересушенная морковь. У парня с ящерицей вспыхнуло болотным, и санитарный осмотр получил объяснение.

Мне нужен был тусклый, приличный отклик. Что-нибудь земляное, слабое, скучное. В документах Руты стояло: «первичная склонность к устойчивым контурам, низкая выразительность». В переводе с канцелярского: «не мешает, если поставить в угол».

Я сняла правую перчатку.

Воздух тут же показался холоднее. Камень у арки пах мокрой пылью и металлом. Я положила ладонь на светлый участок и заставила дыхание идти ровно. Не глубоко, не слишком медленно. Люди, которые стараются казаться спокойными, часто дышат так, будто уже лежат в гробу и ждут похвалы за дисциплину.

Кладка под ладонью была тёплой.

Сначала пошёл ожидаемый серый свет. Бледный, приличный, похожий на воду после мытья кистей. Проверяющий опустил взгляд к форме, собираясь поставить отметку.

Потом под камнем что-то дрогнуло.

Не вспышка. Не удар. Скорее чьё-то движение за стеной, когда ты уверен, что в комнате один.

Чёрный спектр у меня не просыпался красиво. Он не давал фейерверков, не пел, не закручивался дымом вокруг пальцев, как в дешёвых балладах, где маги всегда успевают выбрать эффектную позу. Он просто находил отсутствие. Щель в памяти. Нитку, выдернутую из ткани. Место, где имя было, а потом его заставили никогда не быть.

В кладке арки на мгновение проступили буквы.

Не написанные. Не вырезанные. Выжженные наоборот, пустотой.

С... ай...

Я сжала зубы так сильно, что в виске щёлкнуло.

Сайра.

Буквы исчезли быстрее, чем проверяющий поднял голову. Серый свет дёрнулся, стал мутнее и снова лёг по краю ладони. Камень под пальцами похолодел.

— Рука, — сказал проверяющий.

Я убрала ладонь. Перчатку надела не сразу, потому что пальцы не слушались. Пришлось сделать вид, что поправляю манжету. Манжета, к её чести, не возражала против участия в заговоре.

— Контур слабый, но устойчивый, — сказал проверяющий. — Подтверждено.

Он поставил печать на лист Руты Мереч.

Печать легла ровно.

Я хотела рассмеяться. Нервно, некрасиво, так, чтобы все обернулись и меня немедленно отправили в санитарный двор к ящерице. Вместо этого я взяла папку, чуть наклонила голову и сказала:

— Благодарю.

Голос вышел чужой. Что было даже к месту.

За воротами начинался широкий двор, вымощенный плитами. Между плитами росла жёсткая трава, которую никто не выдёргивал, видимо, потому что она тоже имела допуск. По краям двора стояли каменные чаши с водой. Вода не замерзала, хотя ветер забирался под воротник и перебирал позвоночник по косточкам.

На дальней стене висела доска с именами.

Я увидела её издалека и заставила себя не идти туда сразу.

Нельзя. Нельзя в первый же день подбегать к академическим спискам с лицом голодной собаки у мясной лавки. Рута Мереч приехала учиться, скучать по приграничному училищу и, возможно, раздражать соседей скрипом пера. Рута Мереч не искала Сайру Нэрисс.

Тайра Нэрисс искала.

И Тайра Нэрисс только что видела её имя в камне.

— Новички Первого Ранга, ко мне.

Голос раздался слева, у колонны с расписаниями. Там стоял высокий студент в серой форме старших курсов. Форму он носил так аккуратно, что хотелось немедленно испачкать рукав мукой и посмотреть, заплачет ли ткань раньше хозяина. На груди блестел знак старосты: тонкая пластина с выгравированным кругом и тремя короткими линиями. Лицо спокойное, волосы убраны, взгляд человека, который давно понял: если говорить достаточно ровно, люди сами решат, что ты знаешь, куда их вести.

— Меня зовут Эвран Лом, — сказал он. — Я староста Первого Ранга. Если вы забыли, где стоите, это Северная Академия Стихий. Если забыли, зачем приехали, посмотрите на счёт за обучение. Обычно помогает.

Кто-то нервно хихикнул. Эвран не улыбнулся, но хихиканье не наказал. Великодушие, почти королевское.

— Сундуки оставляете у третьей колонны. Всё, что шипит, капает, дымится или зовёт вас по имени голосом покойной родственницы, сначала показываете дежурному мастеру. Потом уже несёте в общежитие.

У меня неприятно кольнуло под рёбрами.

— А если голос родственницы не покойной? — спросила девушка с огромным дорожным мешком.

— Тогда тем более показываете мастеру. Живые родственники редко лезут в студенческий багаж без причины.

Эвран щёлкнул пальцами. У колонны развернулся список, висевший на воздухе. Имена дрожали тонкими строчками. Моё новое имя было там, где ему и полагалось быть: в середине, без украшений и пометок.

****Мереч Рута. Северное общежитие, комната 4-17.****

Северное общежитие. Конечно.

Академия, видимо, считала, что если человек приехал к границе с Изнанкой, его надо поселить поближе к тематике.

— Правила коротко, потому что длинные вы всё равно прочитаете только после первого взыскания, — продолжил Эвран. — В северную стену без допуска не входить. На третьем этаже главного корпуса не сворачивать за красные ленты, даже если кто-то очень убедительно говорит, что там уборная. На дуэли не вызывать преподавателей, кураторов, кухарок и людей с метлами. Последние особенно злопамятны.

Новички слушали так внимательно, как слушают люди, пытающиеся понять, где именно их уже обманули.

— Если потерялись после вечернего колокола, идёте к ближайшей чаше с водой и ждёте обход. Если чаша начинает кипеть, идёте к следующей. Если все чаши кипят, поздравляю, у вас насыщенный первый день.

— А такое бывает? — спросил парень без ящерицы, зато с лицом ящерицы после санитарного осмотра.

— Раз в семестр кто-нибудь проверяет.

— И?

— Потом уже не проверяет.

Эвран повернулся и пошёл к галерее. Новички потянулись за ним, подхватывая сундуки. Я забрала свою сумку, удержавшись от взгляда на доску имён. Плечо под ремнём ныло. Ладонь под перчаткой тоже.

По дороге к северному общежитию Академия показывала себя кусками. Табличка у арки: ****При дрожи в зубах обращаться в лазарет, а не к соседям.**** Узкий коридор с окнами на пропасть, где стекло было исцарапано изнутри. Дворик с каменными столбами, на каждом висела номерная пластина и маленькая корзина для сгоревших перьев. У входа в один корпус двое старших студентов спорили над тазом с дымящейся водой.

— Это было заклинание сушки, — сказал один.

— Это была попытка сварить рубашку, — ответил второй.

— Результат сухой?

— Результат обижен.

Я почти улыбнулась. Почти не считается, но иногда помогает лицу не развалиться.

Северное общежитие оказалось длинным зданием, прижатым к скале. Окна узкие, двери тяжёлые, на пороге вмятины от множества каблуков. Внутри пахло углём, мокрой шерстью и чем-то сладким, подозрительно похожим на успокоительную настойку. На стене висел ещё один список.

Комната 4-17 была на четвёртом этаже. Разумеется. Когда ты несёшь сумку с чужой жизнью, лестницы всегда считают своим долгом проявить характер.

Эвран дошёл с нами до площадки третьего этажа и остановился.

— Дальше сами. Ужин через два колокола. На первом колоколе не бегите, это смотрится жалко. На втором бегите, иначе останется только каша.

— А что с кашей? — спросил кто-то.

— Она тоже поступила давно и не прошла выпуск.

На этот раз засмеялись почти все. Эвран кивнул, будто поставил галочку в графе «нервное стадо частично управляемо», и ушёл вниз.

Я поднялась на четвёртый этаж.

Комната 4-17 встретила меня распахнутым окном, двумя узкими кроватями и девушкой, которая стояла на подоконнике босиком и пыталась привязать к раме кусок верёвки. Девушка была невысокой, крепкой, с тёмными волосами, заплетёнными в короткую косу. На полу рядом лежали сапоги, мешок, три книги, глиняная кружка и маленький молоток.

— Если ты собираешься сбежать до ужина, я могу подождать в коридоре, — сказала я. Девушка оглянулась.

— Если бы я собиралась сбежать, я бы не брала комнату на четвёртом. Я проверяю, можно ли спускать продукты с окна.

— И?

— Можно, если продукты не против. Но верёвка дрянь.

Она спрыгнула на пол, легко, как будто подоконник был не выше табурета. Я машинально посмотрела на её ступни. На пятках старая мозольная кожа, на пальцах следы земли, въевшиеся глубже мыла. Земная магичка или просто человек, который видел настоящую работу и не умер от знакомства.

— Шева Дорн, — сказала она. — Рудничный север. Ты моя соседка или проверка на терпение?

— Рута Мереч. Третье Каменное.

— Переводная?

— Это так заметно?

— Ты не спросила, где шкаф. Новенькие первым делом спрашивают шкаф. Переводные сначала смотрят, где окно, дверь и куда прятать документы.

Мне понравилось бы сказать, что она ошиблась.

Шкаф действительно был справа. Документы я уже оценила: под нижней доской кровати, если снять гвоздь, который забили криво. Окно выходило на внутренний двор и часть северной стены. Дверь открывалась внутрь, петли хорошие, щель под порогом достаточно широкая для записки или очень плоской мыши.

— Шкаф справа, — сказала я.

— Вот видишь.

Шева подняла мои сумки взглядом. Не руками, просто взглядом. Потом уставилась на мои перчатки.

— Хорошая кожа.

— Спасибо.

— Я не хвалила. Я считала.

— И сколько насчитала?

— Больше, чем обычно тратят на перчатки люди, которые едут из малого приграничного училища с одной сумкой и лицом «не трогайте меня, я бедная и образовательная».

— У меня такое лицо?

— Сейчас — да. Но это Академия быстро лечит: либо лицо, либо привычку показывать его людям.

Я положила сумку на кровать у стены. Кровать скрипнула так, будто ей не понравилось моё прошлое. Справедливо. Мне оно тоже нравилось выборочно.

— Может, мне их подарили, — сказала я.

— Может. Кто дарит бедным студенткам такие перчатки?

— Люди с хорошим вкусом и плохим зрением.

Шева фыркнула и подняла свой молоток.

— Ладно, Рута Мереч из Третьего Каменного. Я не спрашиваю про перчатки, если ты не спрашиваешь, почему я привязывала окно.

— Ты проверяла продукты.

— А ты быстро учишься. Это опасное качество, тут его любят портить.

Она открыла шкаф, закинула внутрь сапоги и мешок. Книги оставила на полу. На верхней лежала потёртая тетрадь с грязным углом и аккуратной подписью: **Дорн Ш. Практические контуры. Не брать, кусается.**

— Тетрадь правда кусается? — спросила я.

— Нет. Но люди, которые берут чужие тетради, читают медленно и громко кричат.

— Полезное заклинание.

— Не заклинание. Молоток.

Она сказала это так спокойно, что я поверила сразу.

Я села на свою кровать и наконец позволила себе снять перчатку. Ладонь выглядела обычной. Немного побледневшая кожа, тонкая линия старого ожога у основания большого пальца, ничего нового. Ни букв, ни чёрной отметины, ни каменной пыли.

А в голове всё ещё стояли пустые буквы.

С... ай...

Я закрыла пальцы.

— Камень у ворот кусался? — спросила Шева.

Я подняла взгляд.

Она делала вид, что разбирает свой мешок. Очень старательно делала. Слишком старательно для человека, который только что вычислил мои перчатки до цены.

— Дорога, — сказала я. — Серпантин. Возница считал, что колёса нужны для украшения.

— Тут все так говорят, когда воротам не нравятся.

— Воротам?

— Камень иногда выбирает, кого пошатнуть. Мою соседку по телеге чуть не стошнило прямо на проверяющего. Он увернулся с такой скоростью, что я стала уважать канцелярию.

— И что с ней?

— Отправили в третий двор. Санитарный осмотр.

Я вспомнила ящерицу.

— У неё была клетка?

— Нет. Зато был жених, который плакал громче ящерицы. Не знаю, считается ли.

Шева вытащила из мешка кусок серого хлеба, отломилась половину и протянула мне. Я хотела отказаться. Рута Мереч, бедная и образовательная, отказалась бы из вежливости. Тайра Нэрисс с утра не ела нормальной еды, потому что экономила чужую биографию.

Я взяла хлеб.

— Спасибо.

— Не благодари, он вчерашний.

— Тогда почти родня.

Мы ели молча. За окном во дворе кто-то ругался с сундуком. Сундук отвечал глухими ударами. Где-то ниже прозвенел первый колокол, и общежитие вздрогнуло: двери хлопнули, голоса поднялись, по лестнице побежали те, кто не послушал Эврана и решил выглядеть жалко заранее.

Шева прислушалась.

— На первом не бегут.

— На втором остаётся каша.

— Значит, пойдём между.

Она сунула ноги в сапоги и завязала шнурки одним движением. Потом посмотрела на меня, на мою сумку, на перчатку в руках.

— Рута.

Я не сразу отозвалась. Плохой признак. Очень плохой.

— Да?

— Если у тебя есть что-то, что не любит академический камень, спрячь это лучше. Тут стены тонкие.

— Это совет?

— Это наблюдение. Советы стоят дороже.

— Чем берёшь?

Шева усмехнулась.

— Пока хлебом.

Она вышла первой, оставив дверь открытой.

Я надела перчатку. Поправила манжету. Положила документы Руты Мереч под нижнюю доску кровати, где кривой гвоздь легко поддавался ногтем. Не лучшее укрытие, но на первый вечер хватит. Если кто-то станет искать, значит, я уже провалилась сильнее, чем позволяет ремонт пола.

Перед выходом я подошла к окну.

Северная стена виднелась за внутренним двором. Тёмная, живая, без украшений. В её кладке ничего не светилося. Ни имени, ни пустоты, ни следа сестры.

Год назад Сайра писала мне с выпускной недели: «Если меня отправят к двору, я найду способ жаловаться тебе на их занавески». Письмо было короткое, злое на чернила и смешное в трёх местах. После него пришло официальное уведомление о назначении. Потом тишина.

Теперь тишина стояла в стене и делала вид, что умеет быть камнем.

— Рута! — крикнула Шева из коридора. — Если ты решила молиться на вид, делай это быстрее. Каша не становится моложе.

Я закрыла окно.

— Иду.

Имя Руты отозвалось в коридоре легко, как чужой ключ в замке. Настоящее осталось под языком, тяжёлое и тёплое.

В первый вечер Академия кормила кашей, проверяла печати и делала вид, что ничего не прячет.

Я тоже умела.

Глава 2: Зачёт для незаметных

Каша на ужин оказалась не просто старой. Она явно помнила людей, которые её варили, и не всех вспоминала добром.

Утром она вернулась ко мне в виде тяжести под рёбрами, лёгкой злости на мир и Шевиного голоса:

— Рута. Если ты умерла, скажи сейчас. Я заберу твою кружку.

Я открыла один глаз.

Шева стояла у моей кровати уже в сапогах, с мокрой косой и выражением человека, который успел подраться с умывальником и победил по очкам. В руках у неё была моя дорожная кружка.

— Мёртвые обычно не возражают против грабежа, — сказала я.

— Значит, живая. Вставай. Первый колокол был.

Я села и сразу вспомнила, где нахожусь. Северное общежитие, комната 4-17, чужое имя под языком, документы под доской пола и стена за окном. Она с утра выглядела приличнее меня: тёмная, молчаливая, без следов сна на лице. У стен вообще нечестное преимущество.

— Зачёт через сколько?

— Через половину колокола. Первый был, второй уже точит зубы.

— Колокола здесь с зубами?

— Тут всё с зубами. Академия не любит разнообразия.

Я умылась холодной водой из кувшина. Вода пахла камнем и чужими зубами. Перчатки лежали на стуле аккуратно, будто за ночь обсуждали мою судьбу и решили пока не доносить. Я надела их медленно, проверяя швы на запястьях. Правая ладонь под кожей всё ещё помнила ворота.

С... ай...

Я сжала пальцы.

— Не любишь утро? — спросила Шева.

— Я люблю утро. На расстоянии.

— Тогда держись ближе к середине строя. Первых вызывают раньше.

— Ты это знаешь или продаёшь?

— Сейчас дарю. После завтрака цены вырастут.

Завтраком называли ломоть серого хлеба, тёплую воду и маленький сырник, который, вероятно, был сырником до поступления в Академию. Студенты ели на ходу. Лестница гудела от шагов, кто-то ругался с застёжкой, кто-то повторял формулы под нос, один парень тащил за собой сундук и утверждал, что это не сундук, а семейный прибор. Сундук возражал ударами о ступени.

Эвран ждал у выхода из общежития с дощечкой в руках. На дощечке шевелился список имён. Моё новое имя ползло в середине, как порядочный червяк в яблоке.

— Новички Первого Ранга, — сказал Эвран, не повышая голоса. Коридор почему-то слышал. — Испытательный двор. Сумки не берём. Амулеты, домашние талисманы, бабушкины нитки на удачу, проклятые пуговицы и семейных духов оставляем в комнатах.

— А если семейный дух сам пошёл? — спросил кто-то сзади.

— Тогда пусть сдаёт зачёт за вас. Но рейтинг получит он.

Шева фыркнула мне в плечо.

Мы вышли в утренний двор. Воздух был такой холодный, будто Академия экономила тепло на живых и тратила всё на камень. Чаши с водой у плит стояли ровные, гладкие. В одной вода крутилась против ветра. Студенты обходили её широкой дугой, и я решила не проявлять научного интереса. В первый учебный день научный интерес часто выглядит как желание умереть с вопросительным выражением лица.

Испытательный двор находился за стеклянной галереей. Стекло было мутным, с тонкими нитями внутри, и отражало не лицо, а какие-то неудачные намерения. За ним висела доска рейтинга: пустая, тёмная, с рядами латунных гнёзд для имён. Рядом стояла вторая доска поменьше, накрытая серой тканью.

Я заметила ткань раньше, чем большинство заметило рейтинг.

Плохая привычка. В Академии всё, что накрыто, обычно либо запрещено, либо скоро начнёт считать тебя без спроса.

На дворе разметили круги. Внешний круг для ожидания, четыре малых круга для стихийных проб, узкая полоса с чёрным песком для защитных контуров. У дальней стены стояли три преподавателя и два старших студента с журналами. Один из студентов был Эвран. Второй сидел за высоким столом, на котором лежали линейки, медные иглы, катушка тонкой проволоки и журнал с кожаной застёжкой.

Над столом висела табличка: **Дайр Ренк. Технический учёт. Не трогать приборы руками, глазами, семейным влиянием.**

Дайр Ренк выглядел так, будто табличку написал сам и жалел только о том, что не добавил штраф за дыхание над чернилами. Тёмные волосы, строгий воротник, тонкие пальцы, чернила на указательном и маленькая серебряная цепочка у манжеты. Он поднял взгляд на нас, задержался на Шевиных сапогах, на моих перчатках, на списке у Эврана и вернулся к журналу.

— Это кто? — тихо спросила я.

— Ренк, — сказала Шева, кивнув на табличку. — Судя по столу, технический отличник. Смотрит на людей так, будто они плохо закреплённые схемы.

— Приятная черта.

— Удобная. Пока ты не схема.

Эвран хлопнул дощечкой по ладони.

— Правила зачёта коротко. Первый блок: базовая стихия. Второй блок: устойчивость контура. Третий блок: защитная реакция. Четвёртый блок случается с теми, кто решил, что первых трёх мало для позора.

— Дуэли? — спросил широкоплечий парень у края круга.

— Малые проверки. Слово «дуэль» любят люди, которые ещё не платили за разбитые окна.

У дальней стены кто-то рассмеялся. Парень рядом с ним не смеялся. Высокий, светло-волосый, в форме, которая сидела слишком хорошо для учебного двора. На рукавах — аккуратная вышивка, не броская, но дорогая. Он стоял чуть в стороне, будто место само освободилось вокруг него и извинялось за пыль.

На его жетоне было выгравировано: **Бреск Таль**.

Я знала эту фамилию. Не потому что изучала всех будущих неприятностей по списку, хотя теперь жалела, что не завела такой привычки раньше. Дом Таль несколько лет подряд давал Академии верх рейтинга, королевских адъютантов и людей, которые умели говорить «родовая ответственность» так, будто это чужая вина. В документах Руты Мереч о таких домах не писали. Бедные училища вообще редко пишут о тех, кто наступает им на пальцы.

Бреск посмотрел на нас с Шевой.

— Новеньких много, — сказал он приятным голосом. — В этом году Академия решила пополнить первый ранг сочувствием?

Шева повернула голову.

— Это когда тебя терпят бесплатно?

У нескольких студентов лица стали счастливыми и испуганными одновременно. Эвран медленно поднял взгляд от списка.

— Таль, если тебе нужен круг для проверки остроумия, подай заявку. Я с удовольствием поставлю тебя после сундука из северного общежития.

— Я просто приветствую переводных.

— Твои приветствия обычно требуют ремонта. Начнём зачёт.

Меня вызвали не первой и не последней. Именно там, где я хотела: в скучной середине, между девушкой, которая заставила воду подняться красивой спиралью и потом уронила её себе в сапог, и мальчишкой с таким злым огнём, что преподаватель попросил его думать о мокрой тряпке.

— Мереч Рута, — сказал Эвран.

Имя отозвалось легче, чем вчера. Это было плохо. Чужие вещи опасны не тем, что жмут, а тем, что разносятся.

Я вошла в первый малый круг.

Преподавательница у стола не представилась. У неё были серебряные зажимы на рукавах и лицо человека, который за утро уже видел тринадцать даров, два обморока и одну попытку объяснить пожар семейной традицией.

— Базовая стихия. Без украшений.

Без украшений я умела. Украшения требуют веры в зрителей.

Я подняла ладонь и выстроила серый контур, как было записано в бумагах Руты: устойчивый, слабый, с земным оттенком. Не слишком чистый. Немного дрожащий на краю. Я добавила лишнюю петлю в нижний узел, чтобы преподавательница увидела деревенскую школу и усталого наставника, который однажды сказал: «И так сойдёт, если никто не умрёт».

В круге поднялась полоска пыли. Она послушно легла в линию, потом в квадрат, потом в кривоватую дугу.

— Слабая выразительность, — сказала преподавательница.

— Да, госпожа.

— Устойчивость есть.

Она отметила что-то мелом. На большой доске в галерее рядом с моим именем загорелась латунная точка. Одна. Тусклая. Прекрасная в своей посредственности.

Шева из внешнего круга показала мне большой палец. Или угрожала мне им. У Шевы эти жесты пока требовали словаря.

Второй блок был хуже. Устойчивость контура проверяли не красотой, а давлением. На чёрной полосе песка нужно было удержать защитный край против учебного удара. Удар выпускала медная рамка: без злобы, без фантазии, зато регулярно, как налог.

— Мереч Рута. Защитная стойка.

Я встала на полосу.

Дайр Ренк впервые поднялся из-за стола. Не подошёл близко, просто взял в руки тонкую иглу на цепочке. Игла дрожала, показывая на мой правый рукав.

— Перчатки снять? — спросил он.

— В правилах не было.

— В правилах не пишут очевидное.

— Тогда они короткие не из-за милосердия.

Угол его рта не дрогнул. Эвран кашлянул в список.

— Перчатки остаются, если не мешают контуру. Ренк?

Дайр посмотрел на иглу.

— Не мешают.

Ему это не понравилось.

Мне тоже. Объединяющий момент, почти начало дружбы, если сильно удариться головой.

Рамка щёлкнула. Первый удар был мягкий, водяной. Я поставила серую стенку, дала ей просесть на палец и удержала. Хорошо. Середина. Вторым удар пришёл рыже-золотым, как вспышка сухой травы. Я сдвинула контур поздно, но достаточно, чтобы не получить ожог. Третьего ждала заранее.

Он оказался не сильнее. Он оказался чище.

Учебная формула вошла в мой край, и Чёрный спектр под перчаткой дёрнулся сам. Не ярко, не красиво. Просто в месте касания стало тихо. Слишком тихо. Как в коридоре после того, как кто-то произнёс фамилию, которую все делали вид, что забыли.

Я тут же засорила край пылью, грубо, почти по-училищному. Контур хрипнул, песок под ногами вспучился, учебный удар распался на безобидные искры.

— Засчитано, — сказала преподавательница. — Но грязно.

Грязно было хорошо. Грязь объясняет многое. Иногда даже жизнь.

Я уже собиралась отойти, когда услышала скрип пера.

Дайр писал в журнале. Не общую оценку, её ставила преподавательница. Он писал в маленькой боковой графе, куда не заглядывали новички. Игла на цепочке лежала рядом и больше не дрожала.

Я видела только два слова, потому что у него был почерк человека, который не хотел помогать будущим врагам:

****мёртвая кромка**.**

Очень хотелось подойти и уронить на журнал воду. Желательно всю Академию, включая северную стену, если она не против.

— Следующий, — сказал Эвран.

Я вышла из круга. Шева поймала меня взглядом.

— Ты сейчас сделала что-то глупое или умное?

— Среднее.

— Среднее так не пахнет.

— У тебя нос слишком образованный.

— У меня нос шахтёрский. Он знает, когда порода врёт.

Я не успела ответить.

— Мереч, — сказал Бреск Таль.

Он стоял уже ближе. Не в круге, но достаточно, чтобы его слышали окружающие. Рядом с ним собрались два старших студента и несколько новичков, которым явно нравилось смотреть, как чужая нога ищет яму.

— Да? — сказала я.

— Переводная, верно?

Я оставила лицо Руты на месте. Скромное, немного усталое, не готовое к великим судьбам.

— По документам — да.

— У переводных защита всегда через пыль или это местный фольклор?

— Меня учили не стоять близко к людям, которые размахивают чужими оценками.

Кто-то прыснул. Бреск улыбнулся. Улыбка была красивая, как витрина с ножами.

— Хочу проверить. В рамках приветствия.

Эвран закрыл список.

— Таль.

— Малая проверка. Правила позволяют старшему студенту предложить связку новичку, если тот прошёл базовый блок. Отказ снижает вступительный балл на две позиции.

Он говорил не для меня. Он говорил для круга. Для доски. Для тех, кто любил правила, пока правила стояли на их стороне и держали чужую голову под водой.

Шева шагнула вперёд.

— А если старший студент выбирает новичка, который только что отстоял три удара?

— Тогда старший студент верит в её устойчивость.

— Какая трогательная вера. Её надо завернуть и отправить в лазарет.

Эвран посмотрел на преподавательницу. Та пожала плечом с усталостью человека, который не будет спорить с процедурой, пока процедура не загорелась.

— Мереч, — сказал Эвран. — Ты можешь отказаться.

И получить минус две позиции. Публично это было бы удобно. Слишком удобно. Бреск хотел, чтобы я отказалась и стала трусливой переводной. Или согласилась и раскрыла больше, чем можно. Оба исхода были подготовлены заранее, с хорошей сервировкой.

Я посмотрела на Дайра.

Он не вмешивался. Только перевернул страницу в журнале.

Вот бумага иногда опаснее крика.

— Я согласна, — сказала я.

Шева выдохнула через нос.

— Конечно. Зачем пользоваться дверью, если рядом есть мельница.

Малую проверку проводили в центральном круге. Бреск вошёл туда легко, будто круг был его семейной гостиной. Я встала напротив и почувствовала, как перчатка прилипает к ладони. Ветер потянул по двору пыль. Большая доска рейтинга в галерее мигнула, готовая любоваться.

— Простая связка, — сказал Эвран. — До первого срыва контура. Без поражающих узлов, без фамильных приёмов, без попыток доказать, что ваши родители зря платят взносы.

— Как строго, — сказал Бреск.

— Я могу строже. Начали.

Бреск ударил первым. Не сильно. Унижать слабого красиво удобнее, если слабый успевает понять композицию. Его связка была воздушно-огненной: лёгкая дуга сверху, рыжий зуб снизу, шелчок в центре, который заставлял защиту раскрыться и показать основу.

Хорошая работа. Чистая. Дорогая.

Я встретила её серой стенкой Руты. Слишком поздно для отличницы, слишком ровно для дурочки. Дуга скользнула по краю, огненный зуб зацепил нижний узел. Я дала ему сорвать одну петлю. Песок прыснул мне на сапог.

— Ой, — сказал кто-то из зрителей.

Бреск улыбнулся шире.

— Ничего. Для переводной неплохо.

— Я передам училищу, если оно выживет от гордости.

Он сменил шаг. Теперь связка пошла быстрее: воздух, огонь, тонкая металлическая нить из собственной печати. Нить не была поражающей, формально. Она просто искала слабое место и оставляла там отметину, как воспитанный хищник.

Я могла разрезать её.

Чёрный спектр под правой рукой уже нашёл пустоту между воздухом и огнём. Маленькую щель. Если потянуть, связка Бреска погаснет целиком, а его красивый контур сложится в пыль у моих ног. Двор увидит не слабую Руту, а человека, который гасит чужую магию там, где обычная защита должна хотя бы нагреться.

Дайр увидит первым.

Я не потянула.

Металлическая нить прошла по краю моего контура и ударила в запястье. Больно. Терпимо. Я качнулась, добавила в стенку слишком много земли и позволила ей стать тяжёлой. Плохая защита часто умирает от усердия. Моя умерла правдоподобно.

Бреск шагнул ближе.

— Держишься.

— Не хочется пачкать двор падением.

— Я помогу.

Третий удар был уже не приветствием. Он хотел сорвать меня красиво: огонь снизу, воздух сзади, металлическая нить прямо к правой руке. Не смертельно. Не запрещено. Очень воспитанно, если воспитывали в комнате без окон.

Я подняла обе ладони.

На миг всё стало медленным. Песок, дыхание зрителей, перо Дайра, палец Эврана на краю свистка, Шева у внешней линии, готовая нарушить правила и потом спорить с ними молотком.

Я выбрала позор.

Серый контур Руты вспыхнул слишком ярко. Я сама перекрутила нижнюю петлю, дала ей зацепить верхнюю, добавила крошечный избыток жара. Формула захлебнулась, как человек, который пытался произнести тост и вдохнул крошку. Вспышка ударила мне в грудь пеплом, рукав покрылся золой, волосы у лица хлестнули горячим воздухом.

Я села в песок.

Не упала. Именно села. Это важно. Падение выглядит драматично, а я не собиралась дарить Бреску лишнюю музыку.

На дворе стало тихо.

Потом кто-то сказал:

— Самосрыв.

Преподавательница подошла быстро. В её руках уже была влажная салфетка с травяным запахом.

— Ожог?

— Гордость, — сказала я. — Несмертельно.

Она оттянула край рукава. Кожа под ним покраснела, но чёрной каймы не было. Я удержала дар закрытым. Рука дрожала от боли и злости, но это были честные причины, их можно показывать.

Эвран встал между мной и Бреском.

— Проверка окончена. Мереч: самосрыв защитного контура, нарушение устойчивости, штрафная отметка. Таль: избыточное давление в малой проверке, предупреждение.

— Предупреждение? — Шева сказала это так, будто попробовала слово и нашла в нём песок.

— Хочешь подать жалобу? — спросил Эвран.

— Хочу подать его головой в таз.

— Это другая форма и три свидетеля.

Бреск поправил манжету. На его лице не было злости. Ему было достаточно: переводная сидит в песке, рукав в золе, доска видит штраф.

Он не заметил Дайра.

Дайр видел слишком много.

Я поднялась сама, пока Шева ещё не успела предложить помощь и сделать вид, что это нападение. Пепел с формы осыпался на песок. Большая доска в галерее щёлкнула. Рядом с именем ****Мереч Рута**** первая точка потускнела, вторая стала ржавой, третья вообще не появилась.

Прекрасно.

Публично я провалилась ровно настолько, чтобы не стать интересной. Не худшая, не лучшая, просто переводная с плохим днём и слишком дерзким языком.

Потом ткань на малой доске у стены дрогнула.

Почти никто не смотрел туда. Все обсуждали Бреска, золу, мою посадку в песок и то, будет ли каша на ужин мстить за вчерашнее. Я смотрела.

Под серой тканью тонкая игла провела по закрытой пластине короткую строку. Не светом. Царапиной.

****Мереч Р. Давление: держит. Самосрыв: управляемый. Кромка: проверить.****

Слова исчезли, будто пластина их проглотила.

Вот и вся незаметность.

Я стояла в золе, с ржавой точкой на публичной доске и новой дырой в легенде. Дайр Ренк закрыл журнал. Не торжественно. Обычно. Как человек, который закончил одну строку и уже знает, куда пойдёт следующая.

Шева подошла сбоку и протянула мне кусок ткани.

— У тебя рукав выглядит так, будто его учили отдельно от тебя.

— Рукав был слабым звеном.

— А ты?

— Я получила штраф.

— Я спросила не про доску.

Я вытерла пепел с подбородка. На пальцах осталась серая пыль, почти такая же, как свет у ворот. Очень хотелось стереть её о рейтинг.

— Я получила штраф, — повторила я.

Шева посмотрела на малую доску. Не на ткань, не на стену, а именно туда, где секунду назад была царапина.

— Тогда поздравляю, Рута. У тебя Академия считает лучше, чем ты врешь.

Эвран объявил следующий блок для остальных, голосом вернул двор в движение. Бреск уже разговаривал со своими, не оглядываясь. Дайр передал журнал преподавательнице, а сам взял отдельный лист с красной кромкой.

На верхней строке я успела прочитать:

****Барьерная практика. Дополнительное наблюдение. Куратор: Квела Трасс.****

Шева проследила мой взгляд.

— Плохое имя?

— Я его ещё не знаю.

— Тогда у тебя лицо слишком заранее.

Я натянула перчатку плотнее, хотя она и так сидела как вторая кожа.

- Академия быстро лечит, — сказала я.
- Либо лицо, либо привычку показывать его людям?
- Ты записываешь мои ошибки?
- Я их коллекционирую. Вдруг обменяю на хлеб.

В стеклянной галерее большая доска рейтинга окончательно закрепила моё место ближе к нижней середине. Рута Мереч выглядела именно так, как должна была: неуклюжая, дерзкая, упрямая, не слишком одарённая.

А закрытая пластина за тканью уже знала, что это неправда.

Глава 3: Стены слушают плохо

После зачёта Академия проявила редкую заботу: нас не отправили умирать сразу.

Сначала дали обед. Обед состоял из супа, который очень хотел быть водой, но в последний момент вспомнил про капусту. Потом нас строем провели к северной стене, чтобы, видимо, проверить, насколько хорошо капуста держится в человеке при встрече с государственным барьером.

Шева шла рядом и несла свою тетрадь под мышкой, как оружие ближнего боя.

— Ты всегда берёшь конспекты на практику? — спросила я.

— Это не конспекты.

— А что?

— Доказательства, что преподаватель был не прав, если меня потом убьёт.

— Оптимистичный подход.

— Рудничный. У нас оптимизм — это когда каска целая.

Я хотела ответить, но коридор свернул к северной галерее, и стена оказалась ближе.

Она не выросла перед нами внезапно. Она всё время была рядом: за окнами, за дворами, за шутками Эврана и серыми кашами. Просто здесь Академия перестала притворяться, что стена — часть архитектуры. Камень уходил вверх так близко, что приходилось задирать голову. Тёмные блоки лежали не ровными рядами, а как мышцы под кожей. Между ними тянулись тонкие жилы света, иногда серого, иногда почти белого, иногда такого мутного, будто его процеживали через старую тряпку.

У основания стены стояла низкая дверь с медной табличкой:

****Барьерная аудитория. Без допуска не входить. С допуском тоже думать.****

Под табличкой висел деревянный ящик с парой обугленных перчаток.

Шева посмотрела на них.

— Тут любят наглядность.

— Может, это декор.

— Тогда у декора большие пальцы разного размера.

Дверь открылась раньше, чем кто-то успел постучать.

Квела Трасс оказалась женщиной лет сорока с коротко подрезанными волосами цвета тёмной соли и лицом, на котором не задерживались лишние выражения. Не строгое лицо.

Строгое иногда отдыхает. Это было рабочее лицо: посмотрело, измерило, решило, кому жить ближе к стене, кому ближе к ведру с водой.

На её левой щеке шёл тонкий белый след от уха к подбородку. Не шрам от ножа. Слишком ровный. Скорее камень однажды провёл по коже линейкой и остался недоволен качеством черты.

— Первый Ранг, новый набор, — сказала Квела. — Вошли.

Никто не уточнил, рады ли мы.

Барьерная аудитория была вытянута вдоль живой кладки. Одна стена обычная: серые плиты, крючья, полки, ведро с песком. Вторая — та самая, северная. Камень здесь не был закрыт штукатуркой. Он дышал теплом и металлическим холодом одновременно, как печка, которая решила стать могилой, но не выбрала профессию окончательно.

Вдоль пола шли медные линии. Они образовывали полукруги для студентов и один общий контур у самой стены. На стойке лежали тонкие деревянные палочки, мел, мокрые повязки, маленький молоток и стеклянный колокол с трещиной.

Дайр Ренк стоял у стола справа.

Конечно.

После утреннего зачёта он выглядел ровно так же: строгий воротник, чернила на пальце, цепочка у манжеты. Разве что перед ним теперь лежал не кожаный журнал, а плоская медная рамка с зажимами для листов. На верхнем листе красовалась красная кромка. Та самая.

Я поймала взглядом только начало строки: **Мереч Р.**

Дальше Дайр положил сверху ладонь.

Как мило. Почти интимность, если заменить сердце канцелярией.

Квела прошла вдоль нас, не представляясь. Ей было достаточно того, что её имя уже успели написать на чужой тревоге.

— Правило первое, — сказала она и взяла с полки стеклянную бусину. — Стену не трогать.

Она бросила бусину в общий контур. Бусина покатилась, коснулась тёмного камня и с тонким звоном стала матовой.

— Правило второе. Если стена поёт у вас в зубах, отходите на шаг.

Квела взяла стеклянный колокол с трещиной и поставила его на медную линию. Камень у стены едва заметно дрогнул. Колокол издал звук, похожий на писк чайника, который долго воспитывали в плохой семье.

У широкоплечего парня из зачёта перекосило лицо.

— Зубы? — спросила Квела.

Он кивнул.

— На шаг назад.

Парень отступил. Звук оборвался. Он потрогал челюсть с таким видом, будто не ожидал от неё предательства в учебный день.

— Правило третье, — Квела подняла обугленные перчатки из ящика, — если вы нарушили первые два, не спорьте с лазаретом. Спорят живые, но лазарет предпочитает документы.

Сзади кто-то нервно хихикнул.

Квела посмотрела туда.

— Весёлым студентам барьер отвечает быстрее. У него хороший слух на глупость.

Хихиканье умерло без медицинского вмешательства.

Мне почти понравилась Квела. Это было неудобно. Нельзя симпатизировать человеку, чьё имя вчера легло на лист с красной кромкой рядом с твоей будущей проблемой. С другой стороны, я и каше вчера не симпатизировала, а она всё равно вернулась в моей жизни утром.

— Ренк, — сказала Квела.

Дайр поднял рамку.

— Новички встанут по полукругам. Каждый строит слабый защитный край, не замыкая его на соседа. Я веду общий контур. На третьем ударе стена даст обратный звук. Задача — удержать край и не полезть исправлять чужую работу.

— А если чужая работа ползет к нам? — спросила Шева.

Квела повернула голову.

— Тогда отталкиваете край, а не человека.

— Жаль.

Дайр впервые за практику посмотрел на Шеву не как на примечание в грязной обуви, а как на возможную поломку оборудования.

— Отталкивание человека снижает балл, — сказал он.

— Не всё в жизни надо делать ради балла.

— Это Академия.

— Я заметила. Тут даже суп старается оценивать.

Квела не улыбнулась, но взяла мел и провела на полу ещё одну короткую черту.

— Дорн, туда. Мереч, рядом. Ренк, смотри правый край.

Правый. Разумеется.

Я встала в полукруг, натянула перчатку плотнее и дала серому контуру подняться от ладоней. Не сильному. Не чистому. Земной оттенок, слабая выразительность, добрая память о бедном училище и плохих наставниках. Если когда-нибудь Рута Мереч решит пожаловаться на использование её несуществующей биографии, я предложу ей половину моей головной боли.

Медные линии под ногами потеплели.

Вокруг меня загорелись чужие края: зелёный, рыжий, жёлтый, тускло-синий. У Шевы контур вышел плотный и низкий, как плита у печи. Он не сиял, зато стоял так, будто его можно было поставить под дверь вместо засова.

— Дорн, не дави в пол, — сказал Дайр.

— А куда?

— В край.

— Край жидкий.

— Потому что ты держишь его как телегу.

— Телеги хотя бы едут.

Квела стукнула маленьким молотком по медной стойке.

Первый удар пришёл от стены не силой, а запахом. Мокрый камень, железо, старая гроза. Контуров студентов дрогнули. Мой серый край просел, я дала ему эту слабость, потом вернула обратно. На публичном зачёте за такое поставили бы тусклую точку. Здесь Дайр только царапнул что-то в рамке.

Скрип его пера теперь раздражал сильнее, чем удар стены.

— Дышите, — сказала Квела. — Барьер не любит героев с синими губами. Их трудно отличить от уже готовых отчётов.

Кто-то задышал слишком громко. Шева тихо фыркнула.

Второй удар был звуком.

Колокол с трещиной сам подпрыгнул на медной линии. В ушах зашумело. У нескольких студентов контуры вспухли пузырями. Квела прошла вдоль ряда и не помогала, только коротко указывала пальцами: ниже, шире, убрать локоть, не смотреть на свет.

Когда она дошла до меня, камень за её плечом стал прозрачнее.

Не весь. Один шов между блоками. Узкий, как щель между плохо закрытыми ставнями.

Внутри шва не было света.

Там было отсутствие.

Чёрный спектр под кожей узнал его раньше, чем я успела приказать себе не смотреть. В груди болезненно щёлкнуло. Не сердце. Сердце, к счастью, было занято привычной работой и не лезло в магию без допуска.

Из стены донёсся шёпот.

Нет. Не шёпот.

Считалка.

Тонкая, детская, с неправильной паузой на третьей строке.

«Север спрятал ключ в кисель,

юг забыл, куда повесил,

если чайник съел метель...»

Я не слышала её годами.

Сайра придумала считалку в восемь лет, когда мы прятались от тётушкиного учителя этикета в кладовой. Там пахло сушёной мятой, мышинным кормом и яблоками. Сайра тогда сказала, что нормальные дети считают до десяти, а скучные дети потом идут к учителю. Мы считали до чайника, который съел метель, и выбирали, кому доставать пирожки с верхней полки.

Стена не могла знать эту считалку.

Стена не должна была знать нашу кладовую.

Мой контур погас.

Не рассыпался, не дрогнул, не дал красивую вспышку для любителей учебной драматургии. Он просто исчез вокруг меня, будто кто-то снял с воздуха кожу. Соседний зелёный край рванулся в пустоту. Шевин плотный контур качнулся следом, собираясь закрыть провал землёй и упрямством.

— Не закрывать! — резко сказал Дайр.

Он уже был внутри общего круга.

Я видела его сбоку: ладонь на медной линии, пальцы в чернилах, цепочка у манжеты натянута. Его собственный контур был почти бесцветный, тонкий, как проволока. Он не перекрыл меня. Он поставил вокруг провала временную скобу, отделил мой мёртвый край от соседних контуров и вернул общий звук в стену.

Третий удар прошёл мимо.

Пол под ногами дрогнул. У кого-то сорвался испуганный вдох. Шева выругалась так тихо, что даже барьер, наверное, решил не записывать.

Я стояла с пустыми руками.

Квела оказалась передо мной.

— Мереч.

Имя ударило хуже третьего звука. Не потому что было чужим. Потому что я чуть не ответила другим.

— Да, куратор.

— Что почувствовала?

Сайру. Кладовую. Детскую считалку. Глупую строку про чайник и метель, которую никто, кроме нас двоих, не знал.

Я посмотрела на стену. Шов уже был обычным. Тёмный камень, светлые жилы, чужая работа веков. Очень приличная поверхность для места, которое только что залезло в моё детство сапогами.

— Звук ушёл в зубы, — сказала я. — Я сжала контур слишком поздно. Потом он просел.

Дайр поднял глаза.

Он не перебил. Хуже. Он начал писать.

Квела взяла мою правую руку за запястье. Пальцы у неё были сухие и сильные. Она не потянула перчатку, просто повернула ладонь так, чтобы видеть шов на запястье.

— Боль?

— Неприятно.

— Это не ответ.

— Тогда нет.

— Слишком быстро.

— Я стараюсь экономить ваше время.

— Не надо. Моё время вы уже заняли.

Шева рядом сделала звук, похожий на кашель, но доброты в нём не было.

Квела отпустила мою руку.

— Ренк.

— Провал края на третьем барьерном звуке, — сказал Дайр. — Контактная зона не приняла стабилизацию. Соседние контуры не повреждены. У Дорн смещение в нижний край, у Мереч...

Он замолчал на половине вдоха.

Не из милосердия. Милосердие у него, вероятно, хранилось в закрытом шкафу с учётом выдачи. Он выбирал слово.

— Мёртвая зона, — сказала Квела сама.

Дайр кивнул.

Я почувствовала, как Шева повернула голову ко мне. Не резко. Без театра. Просто теперь она смотрела не на барьер, а на мои перчатки.

Очень хотелось сказать что-нибудь умное. Например: «Бывает». Или: «У нас в Третьем Каменном все такие, мы просто плохо питаемся». Рот разумно решил не помогать врагу.

Квела взяла у Дайра рамку, прочла запись и поставила на листе короткую отметку красным карандашом.

— Мереч, шаг назад. До конца практики наблюдаешь. Дорн, продолжаешь с соседним контуром. Ренк, копию в сушку и основной лист ко мне.

Вот так просто.

Не допрос, не наручники, не торжественный марш к подвалу. Человек может почти погасить учебный контур у живой стены, услышать украденную детскую память и получить распоряжение «шаг назад». Академия умела превращать ужас в пункт расписания.

Я отступила за медную линию.

Шева осталась в круге. Её контур поднялся снова, но теперь он был не плитой, а настоящим краем. Низким, плотным, с грубой, но рабочей верхней кромкой. Она слушала Дайра вполуха, спорила через плечо и исправляла ошибку ровно в последний момент, чтобы никто не решил, будто ей легко.

— Выше, Дорн, — сказал Дайр.

— Если выше, он развалится.

— Если ниже, он задавит соседний круг.

— Тогда пусть соседний круг похудеет.

— Это не метод.

— Ты пробовал?

Квела ударила молотком по стойке ещё раз. Шева стиснула зубы, подняла край на два пальца и удержала. Камень ответил хриплым звуком, но её контур не провалился.

Дайр поставил отметку.

— Засчитано, — сказала Квела.

Шева вышла из круга с выражением человека, который только что доказал стене, преподавателю и собственным сапогам, что будет жить назло всем троим.

— Поздравляю, — сказала я.

— Не начинай. У тебя лицо «я сейчас умру благородно и тихо».

- Я бы не стала благородно.
- Хорошо. Тихо тоже не надо.
- Я просто наблюдаю.
- Ты сейчас наблюдала дыру там, где должна была быть защита.
- Я промолчала.

Шева посмотрела на Дайра. Он стоял у стола, снимал копировальный лист с рамки и вкладывал его в узкую сушилку: деревянную стойку с тёплыми прорезями. Чернила на барьерных листах блестели, как свежая смола.

- Ренк не похож на человека, который забывает бумагу, — сказала Шева.
- Он и на человека не всегда похож.
- Справедливо.

Квела распустила группу через четверть часа. Половина студентов вышла из аудитории слишком быстро, вторая слишком медленно. Первый барьерный урок учит простой вещи: ноги у всех разные, а страх старается управлять ими одинаково плохо.

- У двери Квела остановила меня одним взглядом.
- Мереч. Завтра после второго колокола подойдёшь на повторную проверку края.
- Одна?
- Если тебе нужен хор для дрожи в зубах, подай заявку заранее.
- Я справлюсь без хора.
- Посмотрим.

Она сказала это не зло. Зло было бы проще. В её голосе был голый рабочий интерес, и от него хотелось завернуться в одеяло из лжи поплотнее.

В коридоре было холоднее. Студенты разошлись к лестницам, обсуждая зубы, оценки и Квелину способность убивать настроение без помощи магии. Дайр вышел последним, с основным листом в кожаном футляре. Копия должна была досыхать в аудитории.

- Я знала это, потому что всю дорогу смотрела не на Дайра, а на сушилку.
- Плохая привычка. Полезная.

- Не вздумай, — сказала Шева.

- Я моргнула.
- Что?
- У тебя лицо «сейчас украду бумагу и назову это исследованием».
- Ты преувеличиваешь.
- Нет. Я его уже видела утром, когда ты соглашалась на мельницу с Талем.
- Это было другое лицо.
- Да, там ещё было «потом как-нибудь объясню соседке, если выживу».

Она пошла не к лестнице, а к боковому коридору. Я успела сделать три шага за ней, прежде чем поняла, что следую.

- Куда мы?
- Ты не вздумываешь. Я вздумываю.
- Шева.
- Молчи. Если тебя поймают возле сушилки, Ренк напишет ещё одну бумагу. Если поймают меня, я скажу, что искала ведро.
- Сработает?
- На лице у меня написано, что я часто ищу ведро.
- Это было невозможно отрицать дипломатично.

Боковой коридор вывел нас к служебной нише. Оттуда через узкое внутреннее окно было видно часть барьерной аудитории: стойку, полки, край сушилки. Дверь уже заперли, но окно держалось на крючке и академической уверенности, что студенты без допуска не будут высывать руки в чужие помещения.

Шева достала из тетради плоскую металлическую пластинку.

— Это что?

— Закладка.

— Она похожа на отмычку.

— У образованных вещей богатая внутренняя жизнь.

Крючок поддался не сразу. Шева ругалась шёпотом, очень содержательно. Я держала сторожевой вид и слушала коридор. Где-то внизу шагали двое старших, обсуждая зачёт так, будто люди были числами, а числа просили по лицу.

Окно щёлкнуло.

— Держи, — сказала Шева.

— Что держать?

— Моё достоинство, если я застряну.

Она просунула руку внутрь, почти по плечо. До сушилки не доставала. Тогда поднялась на носки, упёрлась коленом в стену и вытянула пальцы. Деревянная стойка качнулась. Один лист дрогнул, но не выпал.

— Левее, — сказала я.

— Я не вижу.

— Я вижу.

— Тогда не командуй как Дайр Ренк, командуй полезно.

— Два пальца левее, ниже. Нет, это мокрая повязка.

— Почему здесь мокрая повязка?

— Наверное, декор.

Шева сдавленно хмыкнула, зацепила край листа ногтем и медленно потянула. Бумага вышла из прорези с тихим липким звуком. Чернила ещё блестели. Один угол смазлся.

В коридоре послышались шаги.

Я схватила Шеву за ремень и дёрнула вниз. Она едва не выругалась вслух. Мы обе присели за выступом стены, как две крайне образованные мыши, у которых украденный сыр пахнет красной кромкой.

Мимо прошёл Дайр.

Один.

Он остановился у запертой двери аудитории.

У меня сердце сделало что-то технически не одобренное. Шева прижала лист к груди и задержала дыхание. Дайр проверил ручку двери, посмотрел на окно. Крючок с нашей стороны висел не совсем ровно.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Дайр стоял ещё три вдоха. Потом достал из кармана маленький ключ, открыл дверь, вошёл внутрь и подошёл к сушилке.

Мы не видели его лица. Только спину и руку у стойки.

Он пересчитал листы.

Пальцы остановились на пустой прорези.

Шева беззвучно показала мне выражение, которое в рудниках, вероятно, означало «если сейчас умрём, я буду недовольна качеством организации».

Дайр взял другой лист, переложил его в соседнюю прорезь, закрыл сушилку деревянной планкой и вышел. Дверь щёлкнула. Шаги удалились.

Он ничего не сказал.

Это не успокаивало. Люди, которые всё записывают, иногда молчат особенно громко.

Шева дождалась, пока коридор опустеет, и только тогда разжала пальцы.

— Он понял, — сказала я.

— Возможно.

— Возможно?

— Возможно, он решил, что бумагу съела сушилка.

— Ты сама в это веришь?

— Я верю в то, что некоторые люди слишком заняты протоколом, чтобы бегать за мной по коридору.

— Он не за тобой бегал бы.

Шева посмотрела на меня.

— Вот поэтому бумага у меня.

Мы вернулись в комнату 4-17 окольным путём: через лестницу для белья, коридор с запахом щёлока и дворик, где сушились учебные плащи. Один плащ попытался обнять Шеву за лицо. Она ударила его тетрадью. Плащ сдался и повис с обиженным видом.

В комнате Шева закрыла дверь на задвижку, положила лист на стол и поставила сверху кружку, чтобы угол не загибался.

— Давай смотреть, пока он не передумал быть украденным.

Чернила высохли не до конца. Красная кромка тянулась вдоль верхнего края. Почерк Дайра был тот же: аккуратный, мелкий, вредный к чужим глазам.

****Барьерная практика. Дополнительное наблюдение. Мереч Р.****

Ниже шли строки:

****Третий звук: провал локального края. Контактная стабилизация не принимается. Мёртвая зона по правой руке. Соседние контуры не повреждены. Повторная проверка. Сверить с исходным переводным листом и допуском училища.****

Я прочитала последнюю строку дважды.

Сверить с исходным переводным листом.

Документы Руты лежали под доской пола в полутора шагах от меня и внезапно стали гораздо тяжелее. Хорошая подделка выдерживает печать, беглый взгляд и чиновника у ворот. Хорошая подделка не любит, когда её начинают сверять с исходником, который должен лежать в чужом архиве, пахнуть мышами и никогда не встречаться с человеком, ради которого его подделали.

Шева постучала пальцем по слову «мёртвая».

— Это плохо?

— Для оценки — да.

— Я спросила не про доску.

Она уже говорила так утром. С той же прямоотой, от которой хотелось спрятаться в шкаф и притвориться запасным одеялом.

— Это значит, что мой контур ведёт себя странно у стены, — сказала я.

— Странно у стены ведут себя все. Один парень сегодня пытался дышать через локти.

— У него это вышло?

— Нет. Но он старался честнее, чем ты врёшь.

Я села на край кровати.

— Ты принесла бумагу, чтобы сказать мне это?

— Нет. Чтобы предложить сделку.

Конечно. Шева Дорн не принесла бы украденный документ из жалости. Жалость обычно ходит без отмычки.

— Слушаю.

— У меня через три дня практический зачёт по тонкому краю. Не по силе. По аккуратности. Если я его завалю, меня поставят в ремонтный хвост на месяц. Это значит таскать каменную крошку, чинить учебные чаши и получать отметки от людей, которые считают рудник болезнью характера.

— А ты хочешь?

— Я хочу в рабочую группу у стены. Там дают доступ к настоящим контурам, а не к кружкам для новичков.

— Зачем?

— Потому что у стены платят стипендию выше. И потому что если Академия стоит на камне, я хочу знать, где он трескается.

Она сказала это без пафоса. Как про хлеб. Или верёвку для окна.

— Что от меня?

— Ты умеешь делать вид, что твой контур хуже, чем есть. Значит, понимаешь, где у него лишнее. Поможешь мне поднять край на нужную высоту и не задавить соседей. Без книжной дряни. Руками, линиями, как сегодня.

— А ты?

Шева взяла лист двумя пальцами и подняла.

— Я не отдаю это старосте. Не спрашиваю, почему у бедной переводной студентки мёртвая зона, дорогие перчатки и лицо человека, который услышал в стене покойную тётушку. Не лезу под твою доску пола.

Я резко подняла взгляд.

Она пожала плечом.

— Кривой гвоздь. Ты слишком аккуратно ходишь мимо своей кровати. Я не смотрела.

— Какая деликатность.

— Какая лень. Если человек сам так охраняет тайну, значит, там либо деньги, либо неприятности. Деньги у тебя были бы спрятаны лучше.

Я хотела рассердиться. Очень удобно хотела. На Шеву, на Дайра, на Квелу, на стену, которая знала нашу детскую считалку и делала вид, что это учебный звук. Но злость споткнулась о простую вещь: Шева не требовала признаний. Не просила доверия. Не ставила себя в благородную позу, которую потом пришлось бы обходить с ведром.

Она торговалась.

С этим я умела работать.

— Если я помогу тебе с краем, — сказала я, — ты не держишь бумагу надо мной каждый раз, когда тебе понадобится хлеб.

— Один хлеб.

— Шева.

— Ладно. Бумага — за тонкий край и один честный ответ.

— На какой вопрос?

— Не сейчас.

— Тогда нет.

— Тогда бумага у меня, а вопрос у тебя впереди.

— Ты ужасный человек.

— Зато полезный.

Я посмотрела на лист. На красную кромку. На слова «исходный переводной лист». На чужое имя, которое начинало трещать не в камне, а в бумаге.

— Один вопрос, — сказала я. — Но я могу отказаться, если ответ убьёт меня быстрее стены.

— Справедливо. Я тоже могу отказаться, если твоя помощь сделает мой контур похожим на суп.

— Это низкий удар.

— Суп заслужил.

Мы пожали руки.

Шевина ладонь была тёплая, шершавая, без академической изящности. Моя перчатка скрипнула между нами. Снаружи прозвенел вечерний колокол. В стене за окном не светило ничего, но теперь я знала: тишина там не пустая. Она умеет помнить чужие детские считалки и ждать, пока кто-нибудь приложит ладонь не туда.

Шева сложила копию пометки и сунула её в свою тетрадь между страницами с надписью **Не брать, кусается**.

— Завтра после ужина, — сказала она. — Тренируем край.

— После моей повторной проверки у Квелы.

— Вот видишь. День уже плохой, можно не бояться его испортить.

Я подошла к своей кровати и присела на корточки у кривого гвоздя. Не стала доставать документы. Просто провела пальцем по доске, под которой лежала Рута Мереч, вся её бумажная жизнь, печати и аккуратно купленное прошлое.

Сайра была в стене.

А след к ней впервые шёл через бумагу.

Глава 4: Каталог пустых мест

Ночью Академия не спала. Она просто делала вид, что спит, как плохой сосед по комнате, который ждёт, когда ты полезешь к его пирогам.

За окном комнаты 4-17 северная стена стояла тёмная, ровная и воспитанная. Никаких детских считалок. Никаких пустых швов. После ужина она выглядела так невинно, что я почти обиделась. Нельзя сначала залезть человеку в кладовую восьмилетней давности, а потом изображать отделочный камень.

Шева сидела на полу, разложив перед собой мою украденную беду, свою тетрадь, кусок верёвки, плоскую металлическую закладку и половину свечи. Половина свечи горела с видом человека, которому не доплатили.

— Не нравится мне эта бумага, — сказала Шева.

— Бумага обычно переживает это достойно.

— Тут написано «сверить с исходным переводным листом и допуском училища».

— Я умею читать. Временами даже жалею.

— Если они утром полезут сверять, твоя Рута начнёт рассыпаться с печатей или с легенды?

— Смотря кто полезет.

Шева подняла взгляд.

— Ты говоришь так, будто уже раскладывала собственное разоблачение по полкам.

— Я жила с ним в одной голове несколько месяцев. У нас были семейные ужины.

Документы под доской пола молчали. Я проверила их после ужина: печати целые, бумага сухая, рекомендации всё ещё пахнут дорогим чужим риском. Рута Мереч держалась. На первый взгляд. Проблема с первым взглядом в том, что Дайр Ренк к нему явно не относился.

Он заметил пустую прорезь в сушилке.

Он промолчал.

От этого становилось не легче, а аккуратнее страшно. Когда человек вроде Дайра кричит, с ним можно спорить. Когда он молчит, где-то рядом уже сохнет вторая строка в журнале.

— Нам нужен архив, — сказала я.

— Нам нужен сон.

— Сон не отвечает на вопросы.

— Ты не видела меня утром. Сон иногда отвечает за всех.

Я ткнула пальцем в копию пометки.

— Здесь не только повторная проверка. Здесь исходный переводной лист. Если у них есть доступ к училищному списку, надо понять, где хранятся такие сверки и как быстро их делают.

— И заодно посмотреть, где они спрятали то, что стена тебе вчера показала.

Она сказала это без нажима. Почти буднично. От такой будничности грудь сжимало хуже, чем от пафоса.

— Да.

Шева потянулась к моей кружке, увидела мой взгляд и поставила её обратно.

— Архивное крыло ночью заперто.

— Ты это знаешь или продаёшь?

— Знаю. И продала бы, если бы покупатель не сидел с лицом «сейчас сама полезу и назову это осторожностью».

— Я бы назвала это проверкой гипотезы.

— Вот поэтому я иду с тобой.

Я хотела возразить. Не потому что Шева была лишней. Ровно наоборот. Она уже стала слишком полезной, а полезные люди в чужих тайнах заканчивают плохо, если их вовремя не выгнать.

Шева, к сожалению, была из тех, кого выгнать можно только вместе с дверью.

— Нам нужна легенда, — сказала я.

— У нас есть украденная бумага.

— Украденная бумага — не легенда. Это признание с плохим почерком.

Шева наклонилась над копией. Один угол был смазан, когда она вытаскивала лист из сушилки. Чернила на словах «контактная стабилизация» расплзлись так, будто сама стабилизация сдалась первой.

— Испорченный технический лист, — сказала она. — Нужно переписать в архивном образце.

— Почему ночью?

— Потому что завтра после второго колокола тебя ведут к Квеле, а до этого лист должен быть красивым.

— Кто нас послал?

— Ренк.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если кто-нибудь спросит Ренка, он скажет правду одним словом. У него лицо для таких слов специально выращено.

Шева подумала.

— Тогда Квела.

— Ещё хуже. У Квелы лицо из тех, кто сам спрашивает.

— Староста?

— Эвран может забыть нас предупредить о смертельной двери, но не пошлёт двух первокурсниц ночью переписывать журнал. Слишком много формы.

Шева вздохнула и подтянула к себе тетрадь.

— Тогда никто нас не послал. Мы нашли лист у сушилки и проявили инициативу.

— Инициатива в Академии карается.

— Значит, звучит правдоподобно.

Пришлось признать, что в этом была логика. Плохая, хромая, но академическая.

Мы вышли после третьего малого колокола, когда общежитие окончательно провалилось в шорохи, храп и тихую ругань людей, которым снилась учёба. Шева надела сапоги, сунула в рукав металлическую закладку и повесила на пояс пустой мешочек.

— Зачем мешочек?

— Чтобы выглядеть как человек с поручением.

— Пустой?

— Поручения часто такие.

Я взяла копию пометки, завёрнутую в серую ткань, и надела перчатки. Правая рука после барьерной практики не болела. Это было неприятнее боли. Боль хотя бы честно шумит.

Коридоры ночью пахли погашенными лампами, старым воском и каменной пылью. На лестнице второго этажа висела табличка:

****После отбоя перемещение только по служебной необходимости. Паника служебной необходимостью не считается.****

Шева прочитала и кивнула.

— Видишь? У нас не паника. У нас бумага.

— Бумага страшнее.

— Тогда нас должны пропустить из уважения.

Нас никто не останавливал. Дважды мы прятались за колоннами от обхода. Один раз пришлось ждать, пока по коридору пройдёт ведро. Само. Медленно. С достоинством.

— Тут всё с зубами, — прошептала я.

— У ведра зубов нет.

— Ты уверена?

Шева посмотрела на удаляющуюся дужку.

— Не настолько, чтобы спорить.

Архивное крыло находилось ниже главного корпуса, не в подвале, но Академия явно стремилась к этому морально. Узкая лестница шла между стенами, покрытыми печатями Хранителей. Печати не светились. Они просто были выдавлены в камне: круг, три коротких линии, тонкая перемычка, похожая на закрытый глаз.

Я провела взглядом по камню и не стала касаться.

— Плохо? — спросила Шева.

— Скучно.

— Это у тебя слово для «опасно»?

— Для «опасно» у меня лицо.

— Значит, сейчас скучно.

Внизу стояла тяжёлая дверь с прорезью для бумаг. Над ней висело:

****Архивное крыло. Посторонним вход запрещён. Сотрудникам вход нежелателен.****

Шева достала закладку.

— Ты умеешь открывать архивные замки? — спросила я.

— Я умею открывать рудничные шкафы с пайками.

— Это не одно и то же.

— Да. В рудниках за пайки дерутся злее.

Она уже просунула пластинку в щель, когда я заметила узкий медный язычок под бумажной прорезью.

— Подожди.

— Если дверь сейчас начнёт спорить, я уйду.

Я развернула серую ткань и сунула красную кромку пометки в прорезь. Дверь втянула лист на два пальца, помолчала и выплюнула обратно с крошечной серой точкой у угла.

Потом щёлкнула и приоткрылась на ладонь.

Мы замерли.

Изнутри пахло чернилами, пылью и сырой кожей переплётков. Никакой тревоги. Никакого крика. Красная кромка и серый уголок выглядели для двери убедительнее нас.

— Мне это не нравится, — сказала Шева.

— Бумага переживёт.

— Я про дверь.

— Дверь тоже.

Мы вошли.

Архив оказался не залом, где мудрые люди шепчутся под потолками. Он был тесным, тёплым и недовольным. Полки стояли слишком близко. Между ними проходил человек нормальной ширины или Шева с плохим настроением. На столах лежали стопки ведомостей, коробки с бирками, песочницы для сушки чернил. Лампы под потолком горели синим светом, от которого лица становились похожи на черновики покойников.

На ближайшей стойке стояла табличка:

Журналы технических практик: приём, перепись, возврат. Испорченные листы не жевать.

— Видишь, — прошептала Шева. — Мы почти законные.

— До слова «почти» обычно и доходит приговор.

Я положила нашу копию на стойку. Стойка тихо щёлкнула, как язык за зубами, и выдвинула узкую карточку.

На карточке проступила надпись: **Цель переписи?*

Шева ткнула меня локтем.

— Пиши.

Я взяла перо. Оно было привязано к стойке цепочкой, как особо опасное животное.

Смазан угол записи. Переписать до утренней сверки.

Карточка впитала чернила и выдала следующий вопрос:

**Ответственный?*

Мы с Шевой посмотрели друг на друга.

— Пиши «сама виновата», — предложила она.

Я написала: **Дежурный технический стол.**

Карточка подумала. Это было видно по тому, как она слегка потемнела. Потом выдвинула третью строку:

Чернила для переписи: чёрный стандартный, красный протокольный, серый коррекционный.

— Нам нужны образцы, — сказала я.

— Там.

Шева уже смотрела на полку справа. На ней стояли маленькие флаконы в медных держателях. У каждого была подпись. Чёрный стандартный. Красный протокольный. Серый коррекционный. И ещё один, спрятанный чуть глубже: **глухая копоть, выпускной допуск**.

Шева взяла серый коррекционный. И, как человек с богатой внутренней жизнью, одновременно смахнула в рукав флакон глухой копотью.

— Я видела, — сказала я.

— Хорошо. Если потеряю, напомни.

— Зачем?

— Маленький, дорогой, явно не для нас. Такие вещи сами просятся в мешочек.

— У тебя с вещами тревожные отношения.

— Вещи редко жалуются.

Карточка выдвинула нижнюю прорезь. Оттуда выпала тонкая медная пластина с номером стеллажа. На ней было выгравировано: **Тех. практики / БП-3 / северная стена / перепись у малого стола.**

Нам нужен был не малый стол.

Нам нужен был каталог выпусков.

Но архив сделал за нас половину работы: раз есть номер и пластина, у нас есть вид занятых людей. В Академии занятые люди опасны тем, что их обычно не трогают, пока они не начинают дымиться.

Мы пошли между полками. Я держала пластину перед собой, Шева несла серый флакон и пустой мешочек, который уже перестал быть пустым. Полки шептали корешками. Иногда на переплёте вспыхивала дата и гасла, если я смотрела слишком пристально.

— Куда? — спросила Шева.

— Выпуски. Старшие годы. Прошлый год.

— Это должно быть по указателям.

— Указатели в архивах созданы не для поиска. Они созданы, чтобы потом сказать: «Мы же повесили указатели».

Шева остановилась у развилки. Слева висела табличка ****Учебные журналы****, справа — ****Назначения и выпускные ведомости****, прямо — ****Описи опечаток****.

— Прямо, — сказала она.

— Нам направо.

— Знаю. Но я хочу посмотреть, сколько у них опечаток.

— Ночью?

— У каждого свои развлечения.

Я потянула её за рукав направо. Мы успели сделать два шага, когда из-за полки вышел человек с лампой.

Он был невысокий, худой, с острым подбородком и волосами, которые явно пытались покинуть голову в разные стороны, но остались из чувства долга. На носу сидели круглые очки. В руках — лампа, карточная папка и маленькая щётка для пыли. На груди болталась табличка:

****Нутт Ард. Младший архивариус. Каталог не кусать.****

Нутт Ард увидел нас.

Мы увидели Нутта Арда.

Потом он увидел наш медный пропуск, серый флакон в Шевиной руке и мой вид человека, который всю жизнь мечтал переписать испорченный технический лист ночью в чужом архиве.

— Нет, — сказал он.

— Мы ещё ничего не спросили, — сказала Шева.

— По лицам уже видно.

— У меня нормальное лицо.

— У вас лицо человека, у которого в рукаве чужие чернила.

Шева медленно перевела взгляд на рукав.

Я тоже.

Флакон глухой копотью предательски звякнул.

Нутт закрыл глаза.

— Верните.

— Что? — спросила Шева с такой чистой интонацией, что у неё могли бы отобрать её за подделку.

— Глухую копотью. Выпускной допуск. Малый флакон, третий держатель справа. Если утром его не будет, мастер Кревт решит, что я снова перепутал опись. Я не перепутал. Я один раз поставил «семь» вместо «седьмой», и теперь у меня репутация человека, который лично разваливает архивы.

— Снова? — спросила я.

Нутт открыл глаза.

— Вы студентки?

— Да, — сказала я.

— Тогда не спрашивайте у архивариуса «снова». Это жестоко.

Шева достала флакон из рукава и протянула ему.

— Мы просто искали серый коррекционный.

— Серый у вас в руке.

— Вот. Нашли.

Нутт забрал глухую копоть, осмотрел пробку и только тогда выдохнул.

— Технические практики там, — сказал он и ткнул щёткой влево. — Выпускные ведомости не там. Ведомости за печатями. Печати открываются только сотрудником архива, куратором или человеком с разрешением Хранителя. У вас, судя по всему, есть инициатива, испорченный лист и очень плохая ночь.

— Разрешение Хранителя у нас почти было, — сказала Шева.

— Почти не открывает печати.

— Жаль. Удобное слово.

Я посмотрела на него внимательнее. Нутт говорил быстро, но не громко. Каждый раз, когда в коридоре архива щёлкала полка, он вздрагивал и чуть наклонял лампу, будто проверял, не исчезла ли очередная строка у него из-под носа.

— Нам нужен прошлогодний выпускной каталог, — сказала я.

Нутт стал тише. Не голосом. Всем сразу.

— Нет.

— Вы даже не спросили, зачем.

— Если человек ночью ищет выпускной каталог, зачем обычно хуже самого поиска.

— Нам нужна одна фамилия.

— Тогда утром подайте запрос.

— Утром её уже могут сверить по другим документам.

Он посмотрел на копию пометки у меня в руке. Красная кромка выглядывала из серой ткани.

— Мереч Р., — прочитал он.

Я не успела её спрятать. Отличная работа, Рута. Просто образец ночной незаметности.

— Это техническая перепись, — сказала Шева.

— Это барьерная пометка с повторной проверкой, — сказал Нутт. — На таких листах красный край не для красоты. Красоту у нас отменили в прошлом десятилетии как неучтённый расход.

— Тогда вы понимаете, почему нам нужно быстро.

— Я понимаю, почему мне надо позвать старшего.

Он не двинулся.

Шева тоже это заметила.

— Но вы не зовёте.

Нутт поморщился.

— Потому что если я позову старшего, он спросит, почему студентки дошли до выпускных ведомостей по моему ночному крылу. Потом спросит, почему пропала глухая копоть. Потом вспомнит про «семь» и «седьмой». К утру я буду виноват в войне с Изнанкой и неправильном размере лестниц.

— Лестницы действительно неправильного размера, — сказала Шева.

— Вот видите.

Я сняла перчатку с правой руки.

Шева резко глянула на меня. Нутт отступил на полшага.

— Не надо трогать архив голыми руками, — сказал он.

— Я не архив.

— Это хуже. Люди оставляют следы жирнее чернил.

Я положила пальцы на край красной пометки, не на полку. На бумаге было сухо, но под сухостью пряталась та же гладкая теплота, что на стенном шве. Не такая сильная. Бумага не пела. Бумага молчала обученно.

— Я ищу Сайру Нэрисс, — сказала я.

Имя повисло между полками.

Нутт не спросил, кто это.

И не сказал, что не знает.

Он посмотрел в сторону печатей Хранителей, туда, где справа темнел проход к выпускным ведомостям.

— Перчатку наденьте.

— Почему?

— Потому что я сейчас совершу глупость, а мне не нужно, чтобы у неё были ваши отпечатки.

Шева тихо присвистнула.

— Архивариусы быстро взрослеют.

— Мы быстро стареем, — поправил Нутт. — Взросление требует выбора.

Он повёл нас направо.

Печати Хранителей открывались не ключом. Нутт поставил лампу на маленькую полку, достал из кармана медную полоску и провёл ею по кругу в камне. Печать не засветилась. Она просто перестала быть препятствием, как человек, которому очень надоело спорить.

За печатями было холоднее.

Полки здесь стояли шире. Переплёты старше. На корешках не было смешных предупреждений. Академия тоже умела вести себя прилично на похоронах.

Нутт остановился у высокого шкафа и выдвинул книгу такой толщины, будто в неё записывали не выпускников, а их будущие сожаления.

****Выпускные ведомости Первого Ранга. Прошлый год.****

Я заставила руки не дрожать.

Нутт положил книгу на пюпитр. Пыль поднялась тонким слоем. Шева хотела было сдуть, но Нутт поймал её взглядом.

— Не дышать на ведомость.

— Я пока живая.

— В архиве это временный статус.

Он открыл книгу.

Страницы шуршали тяжело. Имена шли ровными рядами: фамилия, имя, факультетный знак, итоговая строка, назначение. У некоторых рядом стояли золотые метки, у некоторых серые. У верхних строк — печати дворцовой службы и закрытые номера, похожие на пауков без ног.

Я искала Нэрисс.

Палец шёл по строкам. Не касаясь. Над бумагой.

Нерс Ведд. Нэркеш Орв. Нэсса Дрег.

Между ними была пустота.

Не пробел. Не пропуск от небрежного писаря. Ровный участок строки, где бумага лежала слишком гладко. Соседние буквы как будто чуть отворачивались от него. На месте, где должна была стоять фамилия, кожа на моей ладони начала помнить стену.

Сайра должна была быть здесь.

Моё горло стало узким.

— Это вырвали? — спросила Шева.

Нутт покачал головой.

— Нет.

— Замазали?

— Нет.

Он взял щётку для пыли и очень осторожно провёл рядом с пустым местом. Пыль легла на строки вокруг. На пустой участок не легла. Она скатилась к краям, будто бумага там была тёплой и очень вежливой.

Я не выдержала и поднесла руку ближе.

Не коснулась. Почти.

Чёрный спектр под кожей нашёл шов.

Такой же гладкий, как в стене. Только тоньше. Бумажный. Не вырезанный, а удержанный. Кто-то не удалил запись. Кто-то заставил страницу продолжать быть страницей вокруг места, где имя оставалось запертым.

В голове дрогнула считалка.

Север спрятал ключ...

Я отдёрнула руку.

— Запись не исчезла, — сказала я. — Её держат.

Нутт смотрел на меня так, будто я сказала вслух фразу, которую он сам годами обходил по краю.

— Вы видите шов?

Шева повернулась ко мне.

Вопрос был опаснее ответа.

— Я вижу, что пыль ведёт себя неправильно, — сказала я.

Нутт нервно поправил очки.

— Пыль часто честнее людей.

— А люди часто длиннее объясняют.

Он закрыл рот.

Потом снова открыл, но вместо объяснения взял соседнюю книгу. Год до прошлого. Другой переплёт, кожа темнее, угол залатан. Он раскрыл её не на начале и не на конце. Где-то в середине. Провёл щёткой.

Пыль легла вокруг пустого места.

Ещё одна ровная тёплая строка.

Шева перестала шутить.

Нутт вытащил третью книгу. Ещё более старую. На корешке была трещина, перехваченная ниткой. Открыл. Показал.

Пустое место.

Не там же. Не с той же фамилией. Другой год, другие имена, другой почерк писаря.

Та же гладкость.

В комнате стало тесно, хотя полки стояли шире.

— Сколько? — спросила я.

Нутт закрыл третью книгу слишком быстро. Хлопок вышел громче, чем надо. Где-то за печатями щёлкнула лампа.

Он побледнел.

— Я ничего не показывал.

— Нутт...

— Я ничего не показывал, — повторил он, уже тише. — Вы переписывали испорченный технический лист. Забрали серый коррекционный. Вернули глухую копоть. Заблудились на три полки, потому что указатели отвратительные.

— Указатели правда отвратительные, — сказала Шева.

— Да, но это не входит в отчёт.

Нутт захлопнул прошлогоднюю ведомость и поставил на неё ладонь. Пальцы у него дрожали. Не красиво, не трагично. Человек просто очень хотел не делать то, что уже сделал.

— Если эту книгу проверяют после меня, — сказал он, — я скажу, что печать дала сбой от сырости.

— Она даст? — спросила я.

— Нет. Но сырость не умеет защищаться.

Он схватил медную полоску и пошёл к выходу. Нам пришлось почти бежать за ним. Печать Хранителей закрылась за спиной бесшумно. В обычном архиве снова пахло чернилами и пылью, а смешные таблички выглядели теперь как плохие шутки над могилами.

У стойки технических практик Нутт сунул нам серый флакон.

— Перепишите край. Размажьте угол ещё хуже. Пусть выглядит как студенческая дурасть, а не как попытка думать.

— Это легко, — сказала Шева. — У нас богатый опыт.

Он посмотрел на неё.

— И больше ничего не берите.

— Даже если вещь просится?

— Особенно если просится.

Я завернула копию пометки обратно в серую ткань. Теперь она казалась менее важной и гораздо опаснее. До архива у меня было имя в камне, детская считалка и пустота в воротах. Теперь была ведомость, где пустое место держали тёплым, как чужую рану.

— Нутт, — сказала я.

Он вздрогнул от собственного имени.

— Не произносите его так, будто оно уже в деле.

— Почему вы не спросили, кто такая Сайра?

Он посмотрел на дверь. Потом на полки. Потом на щётку в своей руке.

— Потому что иногда каталог молчит громче человека.

— Это не ответ.

— Это архивный ответ. Мы тут экономим правду, чтобы хватило до утра.

Шева хмыкнула, но тихо.

Нутт подошёл к двери и открыл её изнутри. На лестнице было пусто.

— Если вас остановят, вы были у малого стола. Если спросят меня, я вас не видел. Если вы ещё раз придёте ночью...

— Что? — спросила Шева.

Он устало потёр переносицу.

— Стучите два раза. Не стойте под печатью. Она капает.

— Печати капает?

— Когда нервничают.

— Чудесное место.

Мы вышли на лестницу.

Дверь архива закрылась за нами и щёлкнула так, будто поставила точку в чужом протоколе. Я держала копию пометки под плащом. Шева несла серый коррекционный флакон и смотрела вперёд слишком прямо.

— Сайра была не первая, — сказала она.

Я остановилась.

— Я знаю.

— Нет. Ты думала, что знаешь. Теперь у тебя бумага.

— У меня нет бумаги. Нутт закрыл каталог.

Шева постучала пальцем по своему виску.

— Тогда у тебя архивариус, который видел, как пыль врёт.

— Он испугался.

— Умный человек.

Мы поднялись на пролёт. Вверху прошёл обход. Свет лампы скользнул по стене, по печаткам, по нашим теням. Мы прижались к нише, и я впервые за ночь почти захотела, чтобы ведро снова прошло мимо и отвлекло всех своей служебной карьерой.

Обход ушёл.

Шева выдохнула.

— Что теперь?

Я посмотрела на правую ладонь в перчатке. Под кожей ещё стояла гладкая тёплая линия пустой строки.

Документы дали форму. Не голос. Не имя. Форму.

Если Сайру удерживали в стене, тело этой лжи должно было оставлять следы на живых. Не только в каталогах. В ожогах, лазаретных журналах, учебных травмах, которые удобно списывать на плохой контур и неудачный день.

— Теперь, — сказала я, — надо искать не то, что стерли.

— А что?

— То, что не успело зажить.

Шева помолчала.

— Звучит мерзко.

— Зато конкретно.

Мы пошли вверх, к общежитию, к кривому гвоздю под моей кроватью, к повторной проверке после второго колокола и к утру, которое уже где-то точило зубы.

Глава 5: Лазарет без лишних вопросов

Утро после ночного архива было похоже на мокрую тряпку: вроде полезная вещь, а на лице неприятно.

Я спала два часа. Шева не спала вообще, зато к завтраку выглядела так, будто это Академия перед ней виновата в бессоннице, а не наоборот. Серый коррекционный флакон исчез с нашего стола ещё до первого колокола. На мой вопрос Шева сообщила, что вещам иногда полезно возвращаться домой, пока их не хватились.

— Ты опять лазила в архив?

— Не опять. Технически это была лестница возле архива.

— Технически нас за такое повесят на табличку.

— На табличках тут и так тесно.

Я не стала спорить. Споры с Шевой требовали сил, а мои силы утром ушли на то, чтобы не назвать овсяную кашу веществом из Изнанки. Каша тоже старалась.

После второго колокола я дошла до барьерной аудитории.

Квела Трасс ждала не у стены, а у малого медного круга, вынесенного в середину зала. Это было почти милосердно. Малый круг не пел считалки, не знал мою сестру и вообще выглядел предметом, который мечтал о скучной жизни в кладовой.

— Перчатки, — сказала Квела.

Я показала руки.

— Контур. Слабый край. Без героизма.

— У меня сегодня расписание без героизма.

— Хорошо. Значит, не придётся вычёркивать.

Она поставила рядом стеклянную бусину, ту самую, которая вчера стала матовой от касания стены. Сегодня бусина лежала тихо и старалась не участвовать в учебном процессе.

Я подняла серый край. Низкий, неровный, достаточно убедительный для Руты Мереч. Чёрный спектр под кожей шевельнулся, как человек, которому в комнате называли его имя, но я удержала его глубже. Не сейчас. Не при Квеле, не при медном круге, не после ведомости, где пустое место ещё теплело у меня в ладони.

Квела обошла круг. Один раз ударила молотком по стойке. Звук прошёл по меди и вернулся обратно скучным звоном.

Мой край выдержал.

— Ещё.

Второй звук был тоньше. У правой руки край просел, но не исчез. Я дала ему дрогнуть ровно настолько, чтобы это выглядело усталостью после вчерашнего провала, а не человеком, который держит дверь в подвал ногой.

— Хватит, — сказала Квела.

Я опустила руки.

— Жива?

— В пределах учебного дня.

— Край не мёртвый. Наблюдение продлить. До работы у живой кладки без моего допуска не подходишь.

— А если живая кладка подойдёт ко мне?

Квела посмотрела на меня.

— Тогда кричишь.

— Хороший план.

— Лучший из тех, что обычно приходят студентам в голову.

Она записала что-то на короткой карточке и отдала мне. На карточке стояло: **Мереч Р. Допуск к общим связкам. Живую стену не трогать.**

Прекрасно. У меня был официальный документ, разрешающий мне не хвататься за северную стену руками. Мама бы гордилась, если бы знала, что я доросла до таких высот дисциплины.

До обеда меня никто не ловил, не допрашивал и не сверял с исходным переводным листом. Это было подозрительно. Академия редко дарила тишину просто так. Обычно она откладывала её на потом, чтобы ударить аккуратнее.

Шева в столовой посмотрела на карточку и кивнула.

— Значит, тебя пустят на общие связки.

— Ты говоришь так, будто это хорошая новость.

— Это новость. Хорошей она притворится, когда мы поймём, откуда бить.

— Я надеялась, сегодня никто не будет бить.

— Ты в Первом Ранге. Тут даже хлеб смотрит на тебя как на упражнение.

Хлеб действительно был твёрдый и уверенный в себе.

После обеда нас погнали в дуэльный зал. Не в тот, где вчера был вступительный зачёт, а в боковой: ниже потолок, толще маты, больше медных рам и меньше воздуха. На дальней стене висела доска с расписанием, а под расписанием — аккуратная строка мелом:

Дежурный старший назначает связки новичкам. Отказ без лазаретной справки: минус два рейтинговых пункта.

Перед доской стоял Бреск Таль.

Иногда Академия даже не делала вид, что случайности существуют.

Бреск был в тёмной тренировочной куртке без лишних украшений. Это у богатых отдельный вид роскоши: одеться просто так, чтобы все поняли, сколько стоит эта простота. На запястье у него блестела узкая пластина дежурного старшего.

Шева прочитала доску, потом посмотрела на пластину.

— Законное свинство, — сказала она.

— Формально тренировочный порядок, — ответил Бреск, не поворачиваясь.

— Я и говорю.

Он повернулся. Улыбнулся не мне, а месту, где я должна была почувствовать себя слабее.

— Мереч. Раз у тебя сегодня допуск к общим связкам, начнём мягко.

Мягко в академическом языке означало примерно то же, что «не умерла сразу» в лазаретном.

— Как великодушно, — сказала я.

— Я стараюсь. Обратная завязка на малой раме. Тебе нужно только держать внешний край и не гасить его раньше сигнала.

Шева шагнула ближе.

— Она после повторной проверки.

— Именно поэтому малую раму, — сказал Бреск. — Правила разрешают. Куратор допустила её к общим связкам.

Он поднял карточку, которую я отдала у входа дежурному столу. Успел взять. Успел прочитать. Успел выбрать упражнение так, чтобы каждое слово на карточке стало зубом.

Умный мерзавец неприятнее глупого. Глупого можно обойти. Умный сам читает инструкции и приносит верёвку по размеру.

— Дорн, — Бреск скользнул взглядом по Шеве, — вмешательство в чужую связку до аварийного сигнала снимает баллы с вмешавшегося и с участника рамы.

— А если старший выбирает связку, чтобы человеку руку поджарить?

— Тогда старший нарушает протокол. Я выбираю упражнение из списка. Можешь проверить.

Он протянул ей тонкую деревянную планку с названием связки. Шева взяла, прочитала и скривилась.

— В списке.

— Какая неожиданность, — сказала я.

— Рута.

Шева редко называла меня этим именем так плотно. Обычно бросала его как тряпку на стул. Сейчас она положила его между мной и рамой.

— Если откажусь, минус два, — сказала я. — Если пойду, возможно лазарет. Выбор почти как в хорошем трактире: или кислое, или дорогое.

— Я могу...

— Не можешь. Он прав.

Бреск слышал и не скрывал удовольствия. Не громкого. Не карикатурного. Просто человек любил, когда его свинство было заверено печатью.

Малая рама стояла на низкой платформе. Медные дуги сходились над полом в овальный контур. Внутри было место для одного студента и узкая прорезь для встречного импульса, который дежурный старший подавал снаружи. Упражнение выглядело простым: держишь внешний край, принимаешь удар, не тушишь раньше сигнала. Если край слабый, удар возвращается в руку.

Очень педагогично. Особенно для руки.

Я встала внутрь рамы. Медь под подошвами чуть нагрелась. В зале стало тише, чем хотелось. Студенты любили смотреть, как у чужих людей получается плохо. Это древняя академическая традиция, вероятно, старше самой Академии и честнее половины её уставов.

Бреск поставил пальцы на внешнюю планку.

— Готова?

— Нет.

Он моргнул.

— Что?

— Я ответила. Можешь теперь спросить по протоколу ещё раз и не слушать.

В зале кто-то фыркнул. Шева не улыбнулась. Дайра среди студентов не было, и это раздражало отдельно. Человек с привычкой замечать лишнее отсутствовал ровно тогда, когда лишнего набиралось на целую ведомость.

Бреск всё-таки спросил:

— Студентка Мереч, готова к связке?

— Студентка Мереч осознаёт, что её мнение не участвует.

Он ударил по планке.

Первый импульс прошёл мягко. Серый край поднялся вокруг моих ладоней, лёг на медную дугу и пошёл по ней тонким слоем. Ничего страшного. Слабая связь, безопасная амплитуда, обычная учебная мерзость.

— Не гаси, — сказал Бреск.

Я не гасила.

Второй импульс был острее. Не сильнее нормы. Вот в чём была вся красота. Бреск не нарушал предел. Сама связка била туда, куда такие упражнения всегда быют слабый внешний край: в правую руку, в привычку прятать лишнее, в место, где Чёрный спектр хотел подняться и закрыть брешь чисто, быстро, без ожога и без зрителей.

Я сжала пальцы.

Чёрная нить пошла под кожей, как холодная вода под льдом.

Нет.

Я удержала её.

Серый край зашипел. На медной дуге выступила белая искра. Бреск не добавил силы, не улыбнулся шире, не сделал ничего, за что можно было бы ударить его табуреткой с моральным преимуществом. Он просто дождался третьего импульса.

Рама ответила раньше сигнала.

Боль ударила в правую ладонь так резко, что я почти увидела собственные кости. Не настоящие. Магия любит показывать человеку внутреннее хозяйство без медицинского образования. Серый край рванулся погаснуть. Чёрный спектр поднялся следом, готовый съесть обратный зубец, сгладить шов, сделать всё правильно.

Слишком правильно.

Я задавила его внутри.

Мир сузился до руки, меди и запаха палёной шерсти. Перчатка дымилась по шву. Не пламенем, а тонкой злой ниткой. Я услышала, как Шева сказала моё имя, то самое, чужое, и остановилась на полуслове. Правило про вмешательство держало её лучше цепи.

Сигнал прозвенел.

Я убрала руки от рамы и только тогда поняла, что стою на месте. Хорошо. Упасть было бы слишком щедрым подарком.

Бреск снял пальцы с планки.

— Связка не удержана. Лазарет.

— Спасибо, — сказала я. — Без тебя я бы решила поджарить вторую руку для симметрии.

Его улыбка наконец дала трещину.

Шева уже была рядом. Она схватила меня за локоть, не за запястье, и развернула ладонь вверх. Перчатка прилипла к коже. По краю ожога, там, где ткань разошлась, шла тонкая чёрная кайма. Не сажа. Не грязь. Ровный ободок, будто кто-то аккуратно обвёл боль тушью.

Шева подняла глаза.

Я чуть качнула головой.

Не здесь.

— Дорогу, — сказала она залу.

Люди разошлись. Очень быстро. Иногда даже любопытство помнит, что у него есть ноги.

Бреск не остановил нас. Он сделал всё, что хотел, и ни одной лишней глупости сверху. За это я почти уважала его в той части души, которую надо было срочно отмыть.

Лазарет находился между дуэльными залами и восточной лестницей. Удобно: далеко нести не приходилось. Академия умела продумывать последствия собственных учебных методов.

За дверью пахло мятным спиртом, мокрыми повязками и тем странным спокойствием, которое бывает у людей, видевших слишком много чужих коленей. У стойки сидела девушка в белом переднике с серой вышивкой. На кармане была нашивка:

****Сивра Грай. Дежурная целительница.****

Она подняла глаза, посмотрела на дымящуюся перчатку и указала на табурет.

— Сюда.

— Связка, — начала Шева.

— Вижу.

— Старший...

— Потом. Руку.

Сивра говорила тихо, но в её тоне было место только для исполнения. Шева открыла рот, закрыла и отступила на шаг. Редкое зрелище. Лазарет уже окупал визит.

Я села. Сивра разрезала перчатку маленькими ножницами. Не тянула. Не цокала языком. Не задавала вопросов, от которых пациент чувствует себя виноватым за наличие тела. Когда ткань отошла, ожог показался полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.